

Марсель Марсо:

«Нести людям радость!»

Имя Марселя Марсо, талантливого мастера пантомимы, хорошо известно всем любителям сценического искусства, а созданные им образы, глубоко проникнутые духом гуманизма, близки и понятны миллионам зрителей. В интервью, данном испанской газете, Марсель Марсо размышляет о секретах и истоках своего искусства, о великой ответственности мастеров культуры в деле защиты мира.

Роса Мария АРТАЛЬ

«ПАИС», МАДРИД.

Марсель Марсо приехал в Испанию для участия в III Международном фестивале театрального искусства в Сарагосе, после чего совершил концертное турне по стране.

В интервью нашей газете «маг безмолвного жеста» поделился некоторыми своими мыслями об искусстве пантомимы и призвании артиста.

— Вы всегда очень тепло и с большим воодушевлением говорите об искусстве пантомимы и придерживаетесь мнения о том, что мимика и жест — это сама сущность человека и являются отражением его сокровенных чувств. Но не думаете ли вы, что широкая публика, видящая в Марселе Марсо едва ли не единственного представителя этого жанра искусства, возможно, и не разделяет это ваше глубокое убеждение. Итак, пантомима — это Марсель Марсо?

— Я счастлив, что внес свой посильный вклад в дело возрождения пантомимы в XX столетии.

Искусство мимики и жеста было развито еще в Древней Греции и Риме. Свое дальнейшее развитие оно получило в образе Пьеро, в итальянской комедии масок и английской пантомиме, откуда вышли такие замечательные актеры немого кино, как Чаплин и Бестер Китон. Но все-таки подлинное возрождение пантомимы произошло во Франции. Оно приходится на тридцатые годы нашего века. И это не случайно: на пантомиму оказали значительное влияние творчество Родена, немецкий экспрессионистский танец и русский балет. Эти три элемента были сведены в единую систему Этьеном Декруа, который впервые создал законы современной пантомимы, «написал» современную «грамматику» этого вида искусства, положив в его основу контрапункт видимого и невидимого глазом. Благодаря Декруа пантомима обрела свое собственное, независимое место среди других жанров театрального искусства, нашла свое собственное лицо.

В кинематографе первый шаг был сделан Чаплином и Китон; в театре же этот «шаг» делали уже не отдельные актеры, а целые творческие коллективы, так как по сути своей пантомима — театральный жанр. Сначала появилась группа учеников Жана Луи Барро, которые выступали в жанре пантомимы еще тогда, когда она не была признана самостоятельным видом искусства. А некоторое время спустя состоялся и мой дебют. В сороковых—пятидесятых годах я впервые создал в пантомиме свои собственные персонажи.

— Именно тогда и появился на сцене Бип. Кто он, этот Бип? Что он воплощает?

— Хотя лицо Бипа и скрыто по традиции под слоем густого белого грима; он не Пьеро XIX века. Бип живет в XX веке и попадает в ситуации, характерные для этого века. Однако его действия в этих ситуациях несколько напоминают беспомощность Дон

Марсель Марсо.

«Паис», Мадрид.

Кихота, борющегося с ветряными мельницами. Мимика и жест Бипа — это отражение борьбы среднего человека за свершение своих мечтаний, отражение его противоречий... Искусство — это одновременно и философия и символика. Оно призвано показать зрителю, что в современной жизни много и трагических моментов, что трагикомедия — это факт реальной жизни. Трагикомедия рождалась в борьбе людей и обществ, экономических и общественных отношений, в столкновении великих идей об устройстве мира.

— Борьба против угрозы войны — это один из главных аспектов вашего творчества?

— Да, я задаю себе вопрос, будет ли наша цивилизация продолжать развиваться или же она уничтожит себя, и считаю, что в современную эпоху на артиста легла особенно большая ответственность за сохранение мира. Наше оружие в том, чтобы показать опасность, угрожающую миру, показать, что душевная чистота и трезвый ум в силах победить темные силы политики, восторжествовать над узкокорыстными интересами. Люди должны жить в мире, поэтому, даже касаясь темы войны, искусство выступает за мир. Мы, деятели искусства, в большой мере ответственны за судьбы современного общества. Мы не хотим войны и стремимся к тому, чтобы наше творчество было доступным для людей всей нашей планеты, что-

бы оно несло им радость. Мое мнение таково: артист должен быть одновременно и проводником политики, политики глубоко гуманной.

— Какие же задачи в соответствии с этой философией ставит перед собой Марсель Марсо при создании своих мимодрам?

— На мое творчество оказали значительное влияние русский писатель Гоголь с присущей ему богатой фантазией и испанский драматург Тирсо де Молина. И хотя французы плохо понимают созданный

сал повесть (которую, естественно, никогда не публиковал). В основу ее сюжета легли события гражданской войны, которая в то время только что вспыхнула в Испании. Эта повесть — результат того огромного впечатления, которое на меня произвела гражданская война. Вспоминая сейчас содержание повести, я нахожу его несколько наивным; но, возможно, она заинтересует читателя. Я рассказываю в ней о сыне испанского труженника и сыне крупного землевладельца. В детстве они росли и играли вместе; тогда их еще не разъединяли классовые различия. Но во время войны один из них оказался на стороне республиканцев, а другой — в лагере фалангистов. Они встречаются и узнают друг друга, но все же вступают в противоборство...

— Сейчас вас знают во всем мире. Но на вашем творческом пути были и трудности. В 1960 году, после 15 лет успешных выступлений, вы были вынуждены распустить свою труппу из-за недостатка средств. Как вам снова удалось создать труппу и какие уроки вы из этого извлекли?

— Да, у меня были и победы, и поражения, и успехи; и ошибки. Так, наверно, случается со всеми людьми, и они учатся на своем опыте. К числу побед я отношу свое признание у публики, а поражения — это неуспешные творческие замыслы. Главная трудность заключается в том, чтобы, не прибегая к помощи слова, донести до зрителя свое искусство. Когда мы только начинали, ни публика, ни критики даже представить себе не могли, что можно два часа выступать на сцене, не произнеся при этом ни одного слова. А чтобы донести искусство до зрителя, необходимо выработать свой собственный стиль; ведь в пантомиме артист выражает себя не словами, а при помощи жестов. И это действительно трудно. Мне понадобилось около десяти лет, чтобы завоевать признание во Франции, в то время как эстраднему певцу, записывающемуся на пластинки, для этого иногда бывает достаточно одного месяца.

— Каковы принципы подготовки артистов в вашей школе мимодрамы? Чему вы придаете первостепенное значение? Можно ли научиться мимике?

— В нашей школе подготовка артистов длится три года. За это время будущие артисты изучают различные дисциплины: акробатику, современный и классический танец, фехтование, драматическое искусство слова и, конечно же, мимику и жест. О выпусниках школы, впрочем, еще нельзя сказать, что они полностью постигли секреты искусства. Чтобы найти собственный стиль, иногда бывает нужна целая жизнь.

Тирсо де Молина образ Дон Жуана; отождествляют его с Казановой, Дон Жуан в первую очередь персонаж трагический, а не легкомысленный соблазнитель. Он одинок и сознает свое одиночество. Сказался на моем творчестве и образ Фауста. И это не случайно: ведь в совокупности испанская, немецкая и русская литература является венцом всей европейской литературы. Дон Жуан — это проблема человека; любви и одиночества; проблема жизни и смерти, а Дон Кихот — символ реальности и мечты. Человек не может жить без мечты, хотя попытки воплотить ее в жизнь нередко влекут за собой определенное разочарование. В этом и заключается трагикомичность.

— Вы несколько раз упомянули персонажи испанской литературы. Откуда исходят корни вашей близости; симпатии по отношению к Испании?

— Характер моего Бипа несколько сродни испанскому характеру. Кроме того, я считаю, что в пантомиме мне удалось слить воедино некоторые элементы боя быков, испанского танца и жестикуляция. В них много общего. Бой быков воплощает столкновение свирепой силы животного и ловкости матадора: что же касается испанского танца, то он соединяет в себе земное и небесное начала... Чувством глубокой симпатии к Испании я проникся уже давно. Когда мне было еще четырнадцать лет, я даже напи-